

Борис Егоров

К вопросу
о проститутках

Борис Егоров
К вопросу о проститутках

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23686421
ISBN 9785448503177*

Аннотация

Книга о том, что жизнь – она веселая штука и не даст вам заскучать. Конечно, если вы не будете от нее прятаться в сыром и теплом уголке.

Содержание

К вопросу о проститутках	5
Не знаешь – где найдешь, а где потеряешь...	9
Кто из нас бандит?	13
Убить или не убить – вот в чем вопрос...	17
Тернистый светлый путь	20
Страсти и мордасти	23
О вреде кокаина	26
Что называется, мордой об стол...	29
Жертва армагеддона	33
Сколько я детей убил?	38
Романтичная мужская любовь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

К вопросу о проститутках

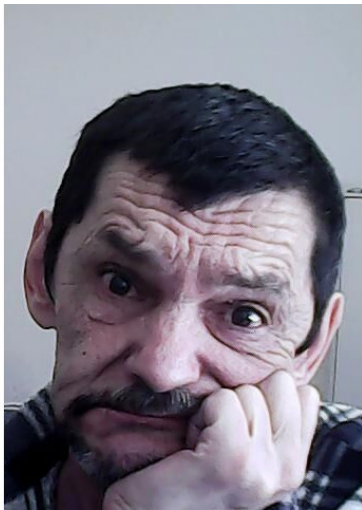
Борис Егоров

© Борис Егоров, 2017

ISBN 978-5-4485-0317-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К вопросу о проститутках

Если поглядеть на меня повнимательнее, то можно увидеть еще живое доказательство народной мудрости – чем раньше попробуешь, тем быстрее надоест.

В первом классе я был женат на целой куче советских киноартисток. По-хозяйски целовался с их фотографиями из каталога «Совэкспортфильм» и требовал от них делать бутерброды и чистить апельсины. Помню, старшей и любимой женой была у меня Элина Быстрицкая.

А где-то в классе пятом я очень любил играть в мячик с подругами старшей сестры на Люблинском пруду. Мне очень нравилось при каждом удобном случае залезать на взрослых девушек верхом. В воде не было видно, куда там попадали мои шаловливые ручонки.

Читать я научился в пять лет, глотал книги одну за другой и все подряд. В результате в голове у меня была дикая мешанина из книг пополам с жизненными наблюдениями.

В восьмом, по-моему, классе я приглянулся Лариске из девятого класса. Она подслала ко мне подружку, которая нас и познакомила. И стал я регулярно ходить к Лариске домой.

Нда. Одно дело – развратничать с фотографиями, или бултыхаться в пруду в толпе девушек. А вот один на один... на одну.

Я приходил, мы сиделись на диван. Я клал ладони Лариске на талию и целовал в губы, двигаясь, как пеликан на рыбалке. Подружка моя была постарше, да и вообще говорят, что дамы раньше, чем мужики, понимают, что к чему. И в один прекрасный день Лариске, по ходу, надоела моя пеликанья любовь. Она схватила меня за руку и сунула ее себе под коф-

точку – прямо на грудь. Лифчика на ней не было. Свят-свят-свят! Я вырвал руку из-под кофточки, вскочил и возмущенно завопил: «Так ты что – проститутка?!» Лариска оторопела, остолбенела... в общем, охренела. Не найдя, что ответить на мой глубокомысленный вопрос, она по извечной женской манере взяла, да и разрыдалась. А я гордо удалился, чуть не лопаюсь от осознания непогрешимости своего облико морале.

Оно все бы ничего. Но в руке никак не пропадало ощущение прикосновения к нежной и упругой девичьей груди. Дома бродил по комнатам, как лунатик. Маманя даже заставила меня померить температуру. Короче, к вечеру мой облико морале рассыпался в труху. Какими только всякими словами я себя ни обзывал!

Примерно неделя мне понадобилась, чтобы Лариска разрешила прийти к ней. Я пришел, как фраер – с цветами и с бутылкой вина. (Вино, помню, от большого ума выбрал самое смертоубийственное – бомбу 0,7 «Вермута» с кривой пластмассовой пробкой за рупь двадцать семь.) Подружка моя вроде отмякла. Мы сели на диван, и я с места в карьер полез рукой под кофточку. БАХ! У меня в голове помутилось, и слезы даже выступили. Такую оплеуху Лариска мне закатила – не каждый мужик так сможет. Я тупо пялился перед собой, мало что соображая. А Лариска вскочила и рявк-

нула: «Я тебе не проститутка!»

Примерно через месяц мы лежали с Лариской голышом в постели и ухохатывались, вспоминая начало нашего знакомства.

Мораль? А нет тут никакой морали. Сплошная аморалка...

Не знаешь – где найдешь, а где потеряшь...

Вот кто бы мне доходчиво объяснил – как получаются... мнэ-э... человеки, которые не любят детей? Даже тех, в появлении которых на свет Божий они приняли самое что ни на есть непосредственное участие. Уж я молчу про чужих...

Гулял я как-то не помню где и зачем. Под влиянием пива похмельный синдром отступил на заранее подготовленные позиции, и самочувствие у меня было вполне... терпимое. И подошла ко мне дама. Но не с собачкой, а с коляской. Посмотрела мне в переносицу пристально так, и сказала: «Хочешь за пятнадцать минут пятерку заработать?»

Ну, в те времена пять рублей – это было весьма и весьма. Тем более для человека без определенных занятий, внутри которого сидел «аркашка» и требовал все время праздника.

Чисто для проформы я спросил: «Че делать-то надо?» Дама мне вполголоса: «У меня живот прихватило. Терпежу никакого не хватает. Постой с коляской, я в туалет сбегая». Ну, дело житейское, тем более, что я был польщен таким доверием: «Беги, конечно. Пока в штаны не навалила». А она так криво ухмыльнулась, и сунула мне пятерку: «Это чтоб ты не сомневался». Деньги-то я взял, но у меня сразу заше-

велилась внутрих какая-то непонятка. Но еще больше я удивился, когда, машинально провожая даму взглядом, увидел, что она запрыгнула в троллейбус.

Где-то через час я перестал себя утешать всякими фантазиями. Передо мной конкретно встал извечный русский вопрос – что делать? Насчет того, кто виноват – это я отложил на потом.

Была у меня боевая подруга, имеющая маленького ребенка-пацанчика. Вот к ней я и приперся вместе с коляской.

Олька сначала просто охренела. А потом хренела дальше – уже со словами: «Я всегда знала, Боренька, что ты ебанутый. Но... не до такой же степени, мать-мать-перемать! Мало мне своего, так ты еще одного приволок неизвестно откуда!»

Ну, я Ольку знал хорошо, поэтому просто подождал, пока она пар спустит. А потом занялись делами. Оля вытащила пацана из коляски, раздела. По одежке определила, что родители – небедные. А я изучал свидетельство о рождении, которое лежало в коляске под пацаном.

А дальше... Дальше мне пришлось поселиться у Ольки. Она ржала: «Ведь никак тебя уговорить не могла. А тут – сам попросился!»

Мальчишка оказался очень классным. Говорить еще не мог, гугукал только. Но все понимал, век воли не видать.

Я расшерстил свою сберкнижку, распланированную до весны, поставил на кадык прищепку, и Ольку затерроризировал насчет бухла.

А на трезвую голову закрутилась в башке мысль – надо как-то официально все это улаживать. Пусть родители подписывают отказ в мою пользу, я, хрен с ней, на Ольке жёнуюсь, и утихомирюсь. Буду пацанов растить-воспитывать.

Нашел я координаты папаши, позвонил. Когда до этого мужика дошло, о чем речь – ох, он и завопил! Долго орал. Но, уж когда я материться начал не менее громко – тогда он утих. Согласовали randevу.

Около Солянки было местечко – там мы встретились. Приехали они на новой «шестерке». Да, они. Мужик суровой внешности, и та самая дама, скорбная животом (я сразу, не смотря на косметику, определил, что ей стучали по голове).

Первый вопрос у мужика был: «Где мой сын?» В общем, беседа была хрен поймешь, на что похожа. Короче, дело было так. Пацан всю ночь кричал, не давал папе спать. И он от большого ума сказал жене-маме: «Зря я на тебе женился, хрен теперь поспишь спокойно. Выгнать вас обоих, что ли?» А жена с устатку все восприняла буквально. И настолько у нее мозги перестали работать, что она ничего умнее не придумала, нежели спихнуть коляску с ребенком первому попа-

шемуся идиоту.

Потом, уже по дороге к Ольге, я у папы поинтересовался: «А ты уверен, что через полгода опять сына кому-нибудь не отдадут?» Он помотал головой: «Ко мне мать приезжает из Домодедова. Будет жить у нас. Она порядок наведет».

Ольга была в печали, мне тоже как-то не по себе было. Забрали родители своего пацана. А мы с Ольгой надрались, как два поросенка. Потом утром я собрал вещички и вернулся... на круги своя.

Первое время я позванивал папаше найденыша. А потом перестал...

Кто из нас бандит?

Этот поп чуть меня до кондрашки не довел. Не, из рассказов Шукшина я знал уже, что попы – они тоже интересные бывают. Типа, на нормальных людей похожие. Но этот, извините за выражение, батюшка...

Я не стал заходить в поселковую церковь – дождался попа около его дома. Координаты мне дал наш бригадир. Раньше здесь, у этого отца Романа, иконы брал Брюхан, но он спалился с ширевом, и поехал на принудление. Поэтому меня и послали.

Для начала пастырь овец заблудших с полчаса мне мозги выносил, сочувственно объясняя, что не знаком ни с какими Брюхановыми, и что он, упаси Боже, никогда и не думал даже посягать на имущество храма Господня. А в конце торжественно благословил меня и предложил исповедоваться и покаяться в своих грехах.

Опять я вспомнил Шукшина, огляделся по сторонам и сказал: «Слышь, попяра! А ежели я, к примеру, счас тебе в лоб закатаю? Естественный отбор произойдет не в твою пользу, мля буду». Поп внимательно посмотрел мне в глаза, тоже огляделся по сторонам и мотнул головой: «Ну, заходи тогда. Дарвин...»

Роману этому было на вид лет тридцать. И, судя по его аппетиту, ему не долго оставалось до габаритов попа с картины Перова «Чаепитие в Мытищах».

То ли батюшка заскучал по свободному общению, то ли его насторожила перспектива естественного отбора – не знаю. Но он скомандовал своей попадье – или кто она там была – накрыть стол и отправил ее в церковь.

С товаром разобрались быстро. Поп мне – рюкзак с досками, я ему – деньги. Потом сели... трапезничать.

Я в те времена водку пил очень редко – жизнь у меня и так нескучная была. Роман выставил для меня тогдашнюю новинку – советское баночное пиво «Золотое кольцо». От баночки были! Жестянка такого веса и толщины, что, по мне, такой банкой можно было запросто отключить оппонента. Ежли по башке стукнуть. А пиво, помнится – бурда бурдой. Ну, да и хрен с ним.

Сам Роман пил водку – часто и стаканом. Причем внешне он не менялся, только морда багровела все больше и больше.

Ну, а потом, слово за слово, начался разговор. Я Роману задал вопрос, который давно меня интересовал: «Рома! Мне вот хрен с тобой, что ты... мнэ-э... постоянно посягаешь на имущество Божьего храма. У нас ведь сейчас как – у кого что есть на работе, тот то и тащит домой. Мне другое любопытно. С какой рожей ты в церковь заходишь? Как у тебя язык поворачивается благословлять от имени Бога прихо-

жан твоих, а? У тебя совесть, как таковая, имеется вообще-то? Кошмары по ночам не мучают, нет?» Роман залпом выдул стакан водки, проглотил, почти не жуя, здоровенный ломоть сала. Ткнул пальцем в потолок: «Хороший вопрос! А почему она должна у меня быть – эта самая совесть? Именно у меня! Ни у кого нету, а я вот такой недоделанный, Богом обиженный, должен совесть иметь!» По ходу, этот вопрос действительно был неприятным для моего собеседника. Потому, что дальше он вообще заревел, как медведь весной: «Последние времена настали! У кого совесть есть – у того дети голодные сидят! Сам-то ты – кто? Бандитствуешь, а мне про совесть говоришь?»

Я кинул в попа надкушенную редиску: «А ты меня с собой не равняй! Кто из нас больше бандит – история рассудит, твою мать! Я у бабки пенсию не половину – в обмен на уверения и обещания счастливой загробной жизни! Я на себя овечью шкуру не натягиваю, когда из дома выхожу! Какой есть – такой и есть везде. И дома, и на улице, и в ментовке...» И я заткнулся, сам на себя удивляясь – и че это я разошелся?

А Рома, бедолага, вертел глазищами и дышал, как только что спасенный утопленник. Потом схватил со стола бутылку, допил из горла и махнул рукой: «Все. Иди отсюда. С Богом...» И смачно плюнул прямо на ковровую дорожку.

Бригадир мне вставил очередной втык: «Хлыст, вот сколько раз тебе говорить – не лезь не в свое дело! Опять мне

надо человека искать. Роман тебя видеть больше не желает. А у меня надежных-непьющих раз-два и обчелся. Кого теперь к нему посылать?»»

Убить или не убить – вот в чем вопрос...

Мля впору хыть и на самом деле с выпивкой завязывать. На каком-то по счету – не предскажешь – стакане обязательно начинается ревизия проклятого прошлого. Типа, а прав был, или не прав, а вот сейчас как бы поступил.

Темное это дело, однако, на мой взгляд. Когда был молодой, на тех, за кем жмурики были, смотрел с очень сложным чувством. Тут было и непонимание, и какое-то презрение, хрен поймешь. И любопытство – типа, как ему теперь спится. Да и опаска была – вот он на меня смотрит сейчас, а хрен его знает, чего у него на уме. А сам я о таком даже и не помышлял. Считал, что отмудохать до потери пульса, ну, поломать чего-нито в конструкции – это в порядке вещей. А убивать – это уже к одиннадцати туз. Перебор, в смысле.

Потом повзрослел малость. Посмотрел, как выглядят мертвые друзья. Девочку семилетнюю, изнасилованную и убитую, пришлось однажды помогать собирать по частям. Да и самого несколько раз пробовали на тот свет отправить по беспределу. И куда-то у меня гуманизм уполз. На задворки души. И совесть меня потом совсем не мучила, и спал

я спокойно, никто мне не снился – весь в белом за окном, и манит меня за собой...

Разговоры вот на эту тему – не любил. Один орет: «Какой тут может быть базар? Если не я его, тык он меня. Тут уж как карта ляжет». Другой умничает: «Не ты ему жизнь дал, не тебе ее и забирать!» А потом у этого умника гопники режут жену, и он идет на вокзал, где кучкуются бичи. И из «Сайги» делает там маленькое кладбище.

Это я к тому, что, в основном, умничают по этому поводу те, кого лично проблема не коснулась.

Но, с другой стороны, жизнь такие варианты подкидывает – только репу чешешь. Знал я одного пастора-баптиста. К Богу он пришел на зоне – червонец тянул. А там постоянно приезжали баптисты по тюремному служению. Ну и остановился мужик, оглянулся. И завязал... мнэ-э... с темным прошлым.

А пока этот новообращенный лосиживал, такой же крендель, как он, убил на воле его сестру. И публика ждала, что, когда баптист откинется, первое, что он сделает – это за сестру выпустит кишки тому ухарю. Ан нет. Он его по-христиански простил. Только попросил на глаза не попадаться.

Баптиста этого все дружно презирали. Не знаю, что у него было внутри, но внешне ему было на всех чихать. Он занимался служением в доме молитвы для всех народов.

Сейчас, когда я сам встал под Божью руку, все равно, думаю, не хватило бы у меня смирения простить убицу близкого человека. Оно конечно, дело не в нем, прощение это нужно самому, для духовного роста. Дык живем-то мы – не на облаке. Я, стал быть, буду духовно расти, а рядом со мной детей убивать будут? В жопу мне такой рост, пардон.

Малость путано получилось, ну, дак кто захочет, тот поймет. Придет время, и Господь разберется с каждым отчетом, который мы Ему будем давать. И решит – кому куда. Аминь.

Тернистый светлый путь

Понедельник. Проснуться-то я проснулся. И давно уже. Но продира́ть глаза, а, тем более – вставать – совершенно как-то не хотелось. Я прекрасно помнил, что в пятницу вечером, насмотревшись летающих тарелок, я клятвенно обещал своей гражданской жене Лизе, что в понедельник я, кровь из носу, устроюсь на приличную работу с приличной зарплатой. Лиза в очередной раз мне поверила, и выходные дни прошли в праздновании начала новой жизни. С молчаливого неодобрения жены...

Да не. Устроиться на работу – это я проблемой не считал. Все дело в том, что там, где платят приличные по нашим временам деньги, надо было ходить на работу каждый день. А это как-то не совмещалось у меня в голове с понятием счастливой семейной жизни.

Ну, хрен с ним. Встал я. Оделся. Пошел, промыл глаза – че-то плохо открывались. Жена уже ушла на работу, так что на пиво просить было не у кого. Да она бы и хрен дала. В общем, собрал я документы и пошел – на работу устраиваться.

Вторник. Проснулся я в общегае автобазы. В комнате, кроме меня, было еще трое обормотов. Вроде знакомых. Они си-

дели за столом, лечились. Один увидел, что я очнулся, и махнул рукой: «Айда!» Ну, раз приглашают...

После первой взгляд у меня малость прояснился. Гляжу – че-то у всех кентов морды в синяках. Да и свое рыло как-то странно болит. Ну, разгадки долго ждать не пришлось. Один из кентов – то ли Митя, то ли Леха. А может, и Валера... Короче, он говорит: «Борян, твою бабу надо на Ближний Восток отправить, порядок там наводить. А здесь – изолировать от общества».

Слово за слово – картинка боль-мене сложилась. Вчера вечером они принесли меня ко мне домой. И сообщили жене, что обмывали мое устройство на работу. Теперь, типа, я не хвост собачий, а рабочий по уходу за животными секции копытных Московского зоопарка, во! И зарплата у меня будет охрененная просто – аж целых семьдесят пять рублей. В ответ на это жена сходила на кухню и вернулась, держа в одной руке деревяшку, которой тесто катают, а в другой – которой картошку толкут. И этой самой древесиной она погнала нашу компанию до первого этажа – сами мы жили на пятом.

Где-то через неделю я устроился составителем поездов с зарплатой двести пятьдесят рублей и бесплатным билетом. Пришел клеить разбитый горшок. А дверь мне открыл ка-

кой-то крендель в очках: «Вам кого?» Я ему так мягко: «Хрена моего, в натуре!» И тут появилась Лизавета: «А-а, пришел! Секунду подожди». И вынесла мне сумку с моим ба-рахлом.

Вот так и живем. Только соберешься на светлый путь вступить – какая-нибудь падла очкастая все обгадит. Плюнул я тогда на составление поездов, сказал сам себе – да задавитесь вы своей зарплатой, и ушел обратно в зоопарк – зверей объедать...

Страсти и мордасти

По ходу, прав был дядя Миша, бакенщик на пенсии. Сидели мы с ним как-то на берегу Иртыша, и он мне сказал: «Для нормального человека водка – штука полезная. А бывает, что голова от рождения слабая, так тогда лучше к водке и близко не подходить. С ним-то – хрен бы с ним. Вокруг люди страдают, вот в чем беда». Я, помню, хмыкнул: «Дядь Миш, если голова слабая – как он сообразит, что она у него слабая? Он и слушать никого не будет». Дядя Миша согласно кивнул: «Это точно. Вот в том и беда. Ну че, пошли еще накатим, пока солнышко не село?»»

Это я к чему вспомнил? Да вот к чему. Шел я как-то по Кузьминкам. Куда и зачем – не помню. Но поддатый – это точно. Навстречу идет дама. Я на нее как глянул – так внутренне и скончался. Красивая до обалдения. А главное, что меня убил – это натуральность красоты. Ни помады, ни туши всякой. Дама эта тащила увесистую сумку, ее малость перекосило, но один хрен было видно, что фигурка по красоте не уступает мордашке.

Ноги у меня малость запутались, и я понял, что уже иду вслед за красоткой. Догнал, отобрал сумку. И сразу сказал: «Да не ори, не ори. Не нужно мне твое барахлишко. У ме-

ня просто врожденная аллергия. Плохо мне делается, когда вижу женщин с тяжелыми сумками». Она так неуверенно улыбнулась: «А далеко нести-то...» Я мотнул башкой: «Ну вот тем более».

Странное дело – по виду в ней не было ничего иностранного, но звали ее – Фатима. Шли-шли, трындели о том-о сем. И в конце концов пришли в Текстильщики, почти ко мне домой, только на параллельную улицу. Фатима вдруг остановилась: «Дальше я сама». А я от большого ума и слушать ее не стал: «Пошли, пошли».

Заходим во двор. За столом мужики козла забивают. И один из них встает и идет к нам. Как у Василь Палыча Аксенова – «возмущенные глаза, морда вся в яичнице». Кстати, вот у него эта самая морда была явно азиатская. Подходит этот пудель – и что б вы думали? Не, я многое могу понять. Потом выяснилось, что был муж Фатимы. Ну, увидел ты жену с другим мужиком. Так с ним сначала и разберись! А этот крендель без слов – тресь! – Фатиме по личику. На ногах она устояла, только пару шагов назад сделала. Ах, твою мать-перемать! Я, конечно, уже догадался, что этот хмырь ей не чужой. Но мне уже было все по барабану. И кто он есть, и что за столом еще десяток мужиков. Сумка сама выскользнула из руки, и начал я этого Отеллу окучивать. Тогда я был кмс по боксу в полном, можно сказать, расцвете сил. Лупил

я его от души, не давая упасть. Помню, в глазах – сиреневый туман, и убить его хочется. Как-то со стороны в голове слышалось – «Борян! Борян! Завязывай! Убьешь ведь!» Слышать-то слышал, но продолжал дубасить. Но – опять, как в песне – «мне кто-то на плечи повис». С трудом опилки в голове улеглись на место, и я обнаружил, что на одной руке висит Фатима, а за шею меня держит бывший одноклассник Саня – мы с ним вместе в боксе начинали. Саня увидел, что я мал-мала очухался, отпустил меня: «Совсем охренел? За что ты его так? Это ж его баба!» А от этих слов у меня опять... сиреневый туман. Ну, Саня меня знал, поэтому сразу отскочил в сторону: «Да иди в жопу! Долбанутый...»

А дальше... дальше хренотень пошла сплошная. Как в мыльной опере. Я уговаривал Фатиму пойти рука об руку в светлое будущее. Мужа ее поуродованного грозно предупреждал – типа, пальцем тронет, дык я его всех родственников вырежу до седьмого колена. Страсти, короче, и мордасти. А потом окончательно протрезвел и почувствовал себя самым последним мудаком.

«Как пить дать, от рождения у меня голова слабая» – подумал я, махнул рукой и пошел домой. Там у меня под диваном было припрятано...

О вреде кокаина

Были когда-то и мы рысаками. В том смысле, что когда-то я был вице-президентом торговой фирмы. Сам я себя называл зампреда артели, что временами бесило президента. Чем торговала эта фирма? А я хрен ее знает. Меня в туда не допускали. Да я и не рвался особо, потому, как знал, что начальный капитал у фирмы появился от «Спортлото». Кто в курсе – тот поймет мою скромность.

В мои обязанности входило – встречи с деловыми партнерами, объяснение особо непонятливым, что 90-е годы прошли, а паяльники и утюги никуда не делись. Но все было очень интеллигентно, в хороших ресторанах и элитных саунах. А еще я должен был обеспечивать бесперебойную поставку кокса для президента. У него были причины ждть пулю в лоб, или мину в тачке. А водка его не успокаивала, а наоборот. Он хватался за ствол и пытался начать зачистку потенциальных киллеров с ближайшего окружения. А вот с кокса он не буянил.

Дисциплина в офисе была почти казарменная. В девять утра все собирались на летучку. Малейшее опоздание по любым причинам немедленно каралось и морально и материально. Сотрудники получали инструкции и клизмы, потом

расходились по рабочим местам.

Полюбить деньги, или их количество у меня так до старости и не получилось. А, кроме могучей зарплаты, ничего хорошего или интересного в моей работе не было. Стало мне все это надоедать. А я ведь с детства был человек простой. Почти, как Надежда Константиновна Крупская. Или – грузинский князь...

В общем, заявился я на очередную летучку на полчаса позже. Ввалился в кабинет, молча уселся в свободное кресло и протяжно, с завыванием, зевнул. После минутной тишины президент спросил: «Борис Федорович, мы вам не мешаем?» Яду в голосе было – всю округу отравить можно. Но у меня-то по жилкам гулял антидот – «Арарат» пятизвездочный. Я помахал ладонью: «Нет-нет, что вы. Продолжайте».

Видели вы, как работает сломанный огнетушитель? То пеной забурлит, то захлебнется и квакает что-то невнятное. Вот так и президент. Потом до него дошло, что своим непонятным извержением он роняет свой авторитет крутого. Нажал кнопку и завопил: «Охрана!!!» Влетели два быка – которых я на работу и брал. Президент ткнул пальцем в мою сторону: «Взять! В подвал его! До особого распоряжения!» Быки сразу выпали в осадок. По опыту совместной работы они знали, что, если меня по балде не стукнуть капитально,

то взять и в подвал – оно не так уж и просто.

А у меня начался припадок. За шестьдесят четыре года жизни их бывало штук десять. Общий смысл припадков таких – свободу Юрию Деточкину!

Что дальше было в многострадальном офисе – можно посмотреть в плохих криминальных сериалах.

Самый юмор был – это когда по иронии судьбы мы с президентом оказались в одной палате. У меня было сотрясение мозга и поломанная рука. А у него, кроме сломанных ребер – не знаю, сколько – башка была пробита. (Это он в меня выстрелил, я капитально огорчился и автоматом для варки кофе треснул его по чану.)

Короче, разошлись в конце концов мирно. И обоим на пользу пошло. Президент, как мне девочки рассказывали, соскочил с кокса и стал потише на летучках. А я с тех пор никогда не ввязывался в деятельность, которая мне по жизни не интересна.

Что называется, мордой об стол...

В молодости я часто путал влюбленность в женщину с обычным чувством голода, с теоретическим обоснованием – типа, пора уже и жениться, или просто – с состоянием кота, когда он себе яйца лижет.

Вот и в тот раз. Вернулся я в Москву после очередного полевого сезона. Растолкал по углам банки с икрой, набил холодильник балыками, развесил по всей квартире гирлянды настоящей каспийской воблы. Сходил в сберкассу, снял с книжки налички и пустился на поиски приключений в пучинах разврата.

Как и где мы пересеклись с Лялей – я, естественно, не помню. Но в конце концов она оказалась у меня дома. По ее рассказам, работала Ляля модельером-конструктором. Начинала она свою карьеру моделью, но – «ты, Боря, себе и представить не можешь, какой там ужас творится! Стоит только по деловым соображениям переспать с одним начальником, как все остальные в очередь становятся! Как будто это в порядке вещей. А пользы для меня – никакой! В ресторане поужинать – я всегда найду, с кем. Мне продвижение нужно было, а все эти мышинные жеребчики только обещаниями отделялись. И грошовыми подарками...»

Мда. Ну, вообще-то я ее начальников вполне мог понять. Внешне Ляля выглядела просто сногсшибательно. Все было при ней – и высокая, и фигура прекрасная, и мордашка ухоженная при минимуме косметики.

Помню, я ей сказал: «Ну, продвинуть тебя по работе – обещать не буду. А вот жениться на тебе – это запросто». Ляля сразу сделала стойку: «Ты это серьезно?» Я плечами пожал: «Да какие уж тут шутки могут быть». Ляля спохватилась, расслабилась и затуманилась: «Мне надо подумать. Я же так мало тебя знаю, дорогой...»

Ляля думала и узнавала меня побольше три дня. Ей очень понравилось кушать черную икру ложкой из трехлитровой банки. При этом она пила всякие коньяки не намного меньше, чем я. Но не забывала периодически устраивать мне буйные напоминания, что она – женщина моей мечты, и что лучше я нигде и никогда не найду. Когда я лежал после буйства в состоянии, близком к коме, Ляля меня учила жизни: «То, что у меня будет такой внушительный муж, наших козликов утихомирят. Анжелка вон вышла замуж за бандита – сразу все приставать перестали. А еще мне очень нравится твое отношение к жизни. Так и надо жить. Будет день – будет пища. Не надо ничего загадывать и планировать наперед. Вот когда поженимся – так и будем жить. Борь, у меня ложка до икры не достает. Как ее из банки вытащить?» Я пробормотал: «Да

открой другую...» Ляля аж подпрыгнула: «Ой! И еще есть? Вот это я понимаю!»

То ли от такого рациона специфического, то ли Ляля от природы была такая. Но она меня заездила – вусмерть. Поэтому я даже обрадовался, когда она мне сказала, что хлеб и сигареты кончились. Я медленно, как дистрофик, оделся: «Жди меня, и я вернусь».

Господи, как же хорошо было на улице! Дождик моросит, ветер желтые листья норовит прям в морду шлепнуть. А я тащусь по тротуару, как спирохета бледная, и жизни радуюсь. Пока припасы купил – малость очухался. Зашел еще в рюмочную, встретил кентов, выпили, потрындели. В конце концов побрел домой.

Захожу в квартиру – а там никого. Странно, думаю. Лялино барахлишко все здесь, что ж она – в одном халатике слиняла? Пожал плечами – дело хозяйское. Открыл окно – после улицы сразу учуял крепкий запах давно неубранного свинарника. Разложил покупки по местам, поставил чайник, плеснул себе полстакана не помню чего.

Слышу – у соседа моего Лехи дверь открылась. Он чего-то басит невнятное, и кто-то мелодично смеется. Кто-то, мля...

Леха меня увидел, развел ручищами и изобразил из себя сто двадцать кило смущения. А Ляля радостно улыбнулась: «Боренька, какие у нас соседи будут чудесные!» Я хмыкнул: «У вас – не знаю, мне как-то оно по херу. Ты бы халатик запахнула, а то без трусов – просквозит».

Одевалась моя невеста липовая под собственный гневный монолог про современность, про свободу нравов, про доверие друг к другу. И попросила с собой недоеденную банку икры. Когда я предложил взамен икры хорошего пинка для скорости, Ляля сказала, что я – обычное быдло. И, наконец, удалилась из квартиры и моей жизни. С концами.

А Леха потом пришел, рассказал: «Вышел я мусор вынести. Эта телка выскочила, халат нараспашку и без штанов. Попросила закурить. Ну, телка аппетитная, я ее к себе позвал. Она пошла. Так что, Борян, ты уж прости...» Я только рукой махнул: «Леха, воистину, что в жизни с нами ни делается – оно все к лучшему».

Жертва армагеддона

Дело было в те благодатные времена, когда у меня еще была своя многострадальная квартирка. То-бишь, у меня было место, где я мог отрешиться от всего земного и в одиночестве проводить комплекс мероприятий, в просторечии называемый – «отходняк».

Вот и в тот раз я лежал на кровати и ничего не делал. Только с частой периодичностью заливал свой сушняк водопроводной водой. У меня бывали такие припадки, когда уже даже и похмеляться не хотелось. Просто лежал и ждал – когда оно все кончится.

Раздалось немелодичное кваканье дверного замка. Я бы не стал открывать, но этот звонок знали всего два человека – короткий «бздынь», потом в ритме «дай-дай-за-ку-рить», и опять – «бздынь».

Пришлось вставать. В квартиру вошел кент Серега, сгибаясь под тяжестью рюкзака. Очень аккуратно Серега выпутался из лямок и осторожно положил рюкзак на диван. Нетрудно было догадаться по глухому позвякиванию, что рюкзак полон каких-то бутылок.

Я сразу спросил: «Ну? И как все это понимать?» Меня пару раз вот таким макаром прилично подставляли. В наглуую бомбили ларек, а добычу приносили ко мне, объясняя свое богатство очень удачной халтурой-калымом. А потом дверь выносили на пинках красивые фуражки, и так же на пинках объясняли то, что было и без пинков понятно.

А про Серегу я знал, что на его зарплату грузчика в про-дуктовом, и при его ненасытном в смысле алкоголя желудке... в общем, неоткуда ему было взять, по мне, такое количество бутылок законопослушным образом.

Но при всех его недостатках Серега имел вроде бы неплохую соображалку. Он отдышался наконец и сказал: «Не бзди, Борян. Я свой магнитофон Рустаму-мяснику задвинул». Я так и сел, как стоял. Хорошо – на табуретку попал.

Когда-то Сергей был инженером, по-моему, по всяким гидроэлектростанциям. По крайней мере, в египетском Асуане он побывал, когда наши строили там ГЭС. Была у Сергея и квартира хорошая со всей обстановкой, и «Москвич-403»... короче, все было. Даже жена была. И, как сам Серега однажды мне рассказал под настроение доверительное: «Мля, Борян, была баба, как баба. Хорошо жили. А как все это барахло появилось – я и не понял ничего. Как с це-

пи сорвалась! С утра до вечера, с утра до вечера – деньги, деньги, деньги. Почему мне зарплату не прибавляют! Почему я опять за границу не еду, валюту зарабатывать! А когда поняла, что Египет мой был просто случайной поездкой, собрала бумаги, поставила себе сковородкой бланш под глаз – и к ментам. И меня в ЛТП под белы руки. Типа, скажи еще спасибо, что не на зону. Потом развод, на котором этой шалаве все сочувствовали и все мое ей отдали. И вот когда я последний раз был в своей квартире – за шматьем пришел, увидел магнитофон. А там же все мое родное, она его и не слушала. Визбор, Городницкий, Окуджава... Собрал я провода, кассеты – и в сумку. Сука эта разинула было пасть – типа, не смей, тут все мое! А я после ЛТП уже был малость не в себе. Взял ее за глотку, говорю – падла, мне уже терять нечего, я тебя сейчас удавлю и хрен с тобой. Потом и в тюрьму не жалко. Видно, убедительно у меня получилось. Заткнулась».

Это я к чему вспомнил? Да к тому, что Серега однажды в минуты жажды и тоски продал свой диван и спал потом на полу. Но, как бы плохо ему ни приходилось, магнитофон был вещью неприкосновенной. И что же приключилось?

Серега на знал, что я не хочу похмеляться, поэтому из первой рюкзачной бутылки налил два стакана. Ну, я не стал его расстраивать и отказываться. И правильно сде-

лал. Потому, как если бы я не выпил, то меня бы, наверно, кондрашка стукнула. С перепугу, или от смеха. Серега выпил свой стакан, утерся рукавом: «Все, Борян. Допрыгались. Скоро армагандон наступит». Хорошо, что я уже выпил, а то бы точно подавился: «Хто? Хто наступит?» Серега угрюмо закурил: «Я думал, ты знаешь это слово. Короче, конец света вот-вот нагрянет». Я почесал бороду, еще не зная, как это все воспринимать: «Это че – тебе с неба голос был?»

Оказалось, что Серега вчера бухал с каким-то седым стариком: «Он мне, Борян, сказал, что всюжизнь в монастыре прожил. Так что верить ему можно. Хоть и седой весь, а крепкий такой старичок. А сейчас, из-за армагандона их главшпан монастырский почти всех монахов отправил предупредить людей». Я сам налил в стаканы: «Серега, ты говоришь – бухал ты с ним. А, ежели не секрет – кто кого поил-то?» Серега возмутился: «А при чем здесь это? Ну, он подошел, сказал – болеет. Мне чего, говна этого жалко? Налил я ему. А потом и разговорились».

Смотрел я на Серегу, смотрел. Это ж надо так в жизни запутаться, чтобы хвататься за первый попавшийся... мнэ-э... армагандон. Я на всякий случай спросил: «Серый, а ты название точно разобрал?» Он утвердительно кивнул: «Старик еще предупредил, чтобы я не обращал внимание... что так звучит».

Короче, я помаленьку перевел разговор на другие темы. А когда Серега успокоился, я сказал: «Ладно, посмотри пока телек, а я в магазин схожу. А то водки море, а жрать нечего. И курева мало».

Шкандыбая от магазина к магазину, я активно вертел башкой. Очень мне хотелось встретить седого крепкого старичка. Который ходит, и в наглую издевается над людьми, которые ему же добро делают. Век воли не видать, попался бы он мне в тот момент – я бы не посмотрел, что он седой и крепкий. Устроил бы этому армагандону натуральный Армагеддон, и был бы ему – полный арма... конец...

Сколько я детей убил?

Бабы всякие важны, бабы всякие нужны. Особенно в молодости, когда душа просто рвется в клочья от желания все попробовать самому.

Это я к тому, что не пугался я женщин с внешностью Бабы Яги или поведением постоянной клиентки дурдома. Мне – лишь бы нескучно с ней было.

Была у меня когда-то в прошлых веках подруга по имени Люся. Правда, она требовала, чтобы я называл ее Клеопатра. Вот уж поистине, дама была – «вся такая несуразная... такая внезапная... вся угловатая такая... такая противоречивая вся». Ну, вспоминать все подробности у меня как-то не было никогда желания. Но вот последнее свидание помню почему-то до сих пор.

Я уже тогда переселился к Люське... пардон, к Клеопатре – со всеми своими немногочисленными потрохами. Жили, тэкс-скэть, семейной жизнью. И ничто не предвещало... кошмарной трагедии. Я тогда занимался полукриминальным улаживанием конфликтов, поэтому с бабками у нас проблем не было. А Клеолюська переводила для самиздата всякие забугорные детективы.

И как-то приперся я с работы своей хитрой, довольный, как слон. И деньги получил, и сам целый остался, и прятаться пока ни от кого не надо. Приволок с собой полную сумку иностранного бухла, консервов тоже нездешних. Выдернул у Люськи бумагу из пишущей машинки и заявил: «Полундра! Немцы в городе!»

Сначала моя мадам забурлила возмущением за мое самоуправство. Но потом подозрительно быстро стихла, и мы с ней налимонились принесенных напитков.

Честно сказать, я жопой-то чувствовал, что Клеопатра эта ведет себя как-то странно. Но не стал углубляться в это, а зря, как оказалось.

Короче. Откидывает неожиданно Люсенька простыню, вылезает и начинает одеваться. Я, ничего не понявши, говорю: «Плавный переход. И далеко ты, девица, собираешься?» А она, не глядя на меня: «Сейчас же одевайся и убирайся отсюда!» Вот те на. Я сел на крвоати: «Эй, на буксире! Штой-то вы в лице переменимши?» И тут Люсю так понесло! Она металась по квартире и орала голосом Луи Армстронга: «Ты подлеший человек, который только мог появиться на этот свет! Как ты можешь жить, когда ты убил столько детей! Но нет! Меня убить тебе не удастся!» И далее в том же

духе. Мало того, она достала из шкафа мою сумку, запихала туда мою одежду – вплоть до кроссовок – распахнула балконную дверь, и мое скудное имущество полетело в никуда.

Поймал я, наконец, ее взгляд. Свят-свят-свят! Там в глазах плескалось натуральное безумие. Ну, пару раз я тырился в дурдоме, когда тучки сгущались. И от скуки помогал санитарам. Поэтому я быстро Люську упаковал на вязки, которые изобразил из простыней, положил матрас около батареи и к ней буянку привязал. Позвонил в скорую, правда, объяснил все туманно.

Хорошо, доктор попался толковый и широкого профиля. За бонусы он попробовал все сделать в домашних условиях. И, слава Богу, получилось. Доктор и промыл ее со всех концов, и нашпиговал чем-то. Оставил ампулу и шприц – на рецидив возможный.

Люська спала, улыбаясь, а я, завернутый в простыню, курил на балконе. Сумки внизу не было. А ведь, кроме шмоток, у меня же в джинсах и документы, и бабки были. Твою же мать-то... Деньги-то – да хрен бы с ними.

Под утро Люся-террористка проснулась и потянулась ко мне целоваться. Ага, счас! Оказалось, у нее полный провал памяти. И она долго не верила моему рассказу. И, только

когда не нашла моей сумки и одежды – до нее дошло и она взялась за голову. Объяснилось все очень просто. В тот день Люська пожаловалась подруге на головные боли. И та привезла ей какие-то пилюли импортные, которые не только избавили мою Клеопатру от головняка, но и настроение поправили. И до моего прихода мадам еще несколько раз закинулась этими колесами. А потом солидная доза коньяка – и перемкнуло у ей все мужички.

Просидел там еще пару часов, пока кенты привезли одежду. И уехал с концами. Понимал, что ее вины нет никакой. Но чего-то внутри обломилось. Я до сих пор уверен, что из человека может выскочить только то, что в нем было. Он даже сам может и не подозревать о своих внутренних запасах.

Кстати, именно поэтому, когда подсирают, а потом все валят на то, что – «ну, прости, пьяный я был!» – меня это не утешает. И отношение к человеку – меняется...

Романтичная мужская любовь

С детства был я к жизни очень любопытен. Очень любил знакомиться с новыми людьми, мне все было интересно.

А когда наступил определенный период моей взрослости, новые знакомства происходили, в основном, в застольях, на рыбалках, на скамейках в парках... в подъездах. Вот тогда-то у меня и начал пропадать энтузиазм к общению со всеми подряд. Жизнь подбрасывала мне такие сурпризы, что я, бывало, долго и ошалело встряхивался, как пес, которого случайно облили помоями. И потом какое-то время на всех окружающих смотрел настороженно и подозрительно.

А ближе к старости я вообще сделал себе парадное крыльцо, где всех и встречал. Еще завел сторожевых злых собак. И внутрь своего душевного дома мало, кого пускал. Если же человек пытался просто вломиться ко мне, я с удовольствием спускал с цепи всех собак. Почему и получил в определенных кругах репутацию личности грубой и даже е... нутой.

А что было делать? Ну, на хрена бы мне было общение вот с таким кренделем, с которым я познакомился в парке Горького?

Я сидел на скамейке, не шалил, никого не трогал. Настроение было погано-лирическое – меня подружка продинами-

ла, и, вместо веселых скачек в густых кустах, я в одиночестве хлебал припасенный портвейн «Три топора», меланхолично закусывая маленькими кусочками плавленого сырка «Дружба» и размышляя, как обычно в таких случаях, о бренности бытия.

Вот тут-то и нарисовался Арнольд Константинович – так он потом представился. Красавец-мужчина весьма и весьма спортивного вида. В усах а-ля Максим Горький. Подошел, спросил – свободно ли, можно ли присесть. Разговорились, познакомились. У него с собой был коньяк и шоколадка, как сейчас помню – «Золотой ярлык». У этого Арнольда был роко-чуший баритон, и мысли он свои излагал свободно и понятно. Поэтому я слушал его с интересом, тем более, что коньяк на бормотуху – они меня малость растащили по углам.

Вот, примерно, монолог Арнольдушки: «Меня, Боренька, с детства родители терроризировали. Запихнули зачем-то в парное фигурное катание. Нет, польза, конечно, была. Привычка к физическим нагрузкам, развитие координации тела. Но! Я с детства нахватался руками за все места женского тела до такой степени, что, когда повзрослел, дамы у меня не вызывали никакого интереса. В какой-то момент я устроил родителям истерику, и они согласились с испугу, чтобы я пошел в секцию классической борьбы. Вот это я понимаю – спорт! Мужчины сплетаются в жарких объятьях, ни от кого

не прячься!» Тут мой собеседник странно хохотнул: «Через год меня из секции выгнали. Там не нашлось ни одной родственной души, которая была бы способна понять истинный взлет мятежного духа». Я автоматом кивнул, икнул и подумал: «Красиво излагает, собака! Учитесь, Киса...»

А классический борец за полеты духа положил свою ручищу мне на плечи: «Боренька, я сразу почувствовал, что именно ты меня поймешь! Сразу, как только увидел твой мужественный профиль!» И вот тут я почувствовал, что усы аля Максим Горький начали елозить у меня за ухом. А свободная рука Арнольда начала разыскивать, как я понял, мою пипиську.

Ну, коньяк – коньяком, и портвейн – тоже. Я ведь не занимался фигурным катанием. И из классической борьбы меня не выгоняли – я сам ушел, боксом заниматься. Поэтому я решил, как говаривал Остап Ибрагимыч, что наши взгляды на жизнь с этим пидором диаметрально противоположны.

Учитывая его габариты, я не стал рисковать и по-боксерски благородничать. В руках у меня был 0,7 – пузырь портвейновый. Вот горлышком я со всей дури и въехал ему в сплетение. Арнольд сразу задумался – где бы кислороду взять. А я встал. Чем больше я трезвел от ситуации, тем злее становился. Дубасил, короче, этого фигуриста – как трени-

ровочный мешок. Уж на что у меня кулаки были набитые – потом неделю еще болели.

Публика в те времена была общественно-активная. Сами, конечно, жертву спасти не полезли, но ментов – вызвали. И – хэппиэнд. Мент-старлей подбежал, меня отпихнул, взгляделся: «Е... ть-колотить! Ну, наконец-то, этому гандону досталось!» Повернулся ко мне и вполголоса: «Вали отсюда. Молодец!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.